

Выходные наступили в мгновение ока. Фан Дуцю первоначально заказал костюм для Цзян Жунъюаня, но Цзян Жунъюань был вынужден надеть школьную форму, чтобы подготовиться к урокам в субботу. Костюм может носить только Фан Дуцю.

После тренировки соревновательного класса на прошлой неделе Цзян Жунъюань почувствовал, что он хорошо адаптировался на этой неделе — на этот раз он вышел на собственных ногах, а не его вытащили Кан Ле и Тун Чжо.

Цзян Жунъюаню потребовалось много времени, чтобы паралич спал и он мог нормально дышать в машине.

Сяо Ли сегодня все еще вел машину, но пересел на бизнес-машину с более широким задним сиденьем, что облегчило Цзян Жунъюаню переодевание.

Фан Дуцю опустил перегородку между передним и задним рядами, открыл коробку с одеждой и передал ее Цзян Жунъюаню.

Цзян Жунъюань сначала снял куртку и футболку школьной формы, задерживаясь на долгое время, надеясь случайно продемонстрировать мышцы живота и талию, когда Фан Дуцю повернет голову.

Однако Фан Дуцю закрыл глаза и развернулся лицом в окно, вообще не открывая глаз!

Цзян Жунъюань сердито надел брюки и снова посмотрел на него. Цзян Жунъюань обиженно поднял галстук. О, две пуговицы его рубашки были намеренно оставлены расстегнутыми, а воротник был расстегнут.

Фан Дуцю знал, о чем он думает, но не мог понять, о чем он думает, и не понимал, почему Цзян Жунъюань мог поклясться, что он ему понравился с первой встречи, поэтому ему пришлось оставить его в покое.

Фан Дуцю собрал рубашку, не меняя выражения лица, застегнул пуговицы на ключице одну за другой и застегнул их до самого верха шеи:

— Одевайся, не простудись!

Цзян Жунъюань был так зол, что у него чуть не сломались зубы.

Фан Дуцю коснулся своей головы. Губы Цзян Жунъюаня были настолько надуты, что на них можно было повесить банку с маслом. Фан Дуцю беспомощно спросил:

— Ты все еще носишь галстук?

Цзян Жунъюань застонал и поднял воротник, чтобы Фан Дуцю было легче двигаться, на этот раз Фан Дуцю уже смог завязать чужой галстук, поэтому он не позволил ему повернуться.

Угрюмый Цзян Жунъюань с завязанным галстуком сел на крайнюю правую сторону сиденья машины. Фан Дуцю вздохнул и приготовился уговаривать ребенка, осторожно потянув его за руку. Цзян Жунъюань упал и прислонился к Фан Дуцю.

Фан Дуцю не очень опытен в уговорах людей. В основном потому, что он не делал этого уже много лет, он колеблется и не знает, что сказать.

Прежде чем Фан Дуцю смог организовать свои слова, в его ушах послышался храп Цзян Жунъюаня. Фан Дуцю был ошеломлен, открыл перегородку и попросил Сяо Ли подать одеяло из первого ряда, встряхнуть его и накрыть Цзян Жунъюаня.

Курорт с горячими источниками находится вдали от городского шума и суеты. Было почти семь часов, Цзян Жунъюань вздремнул в машине. Открыв глаза, он почувствовал себя отдохнувшим. Взгляните еще раз! На самом деле на нем лежит одеяло, которым его укрыв брат Дуцю! Гневные вещи давно забыты.

Цзян Жунъюань катался, завернувшись в одеяло, а Фан Дуцю удерживал его:

— Хватит кататься, костюм помнется. Сегодня твое первое появление на публике, господин зять могучего дракона. Тебе придется выйти в мятом костюме?

Цзян Жунъюань: !!!

Он внезапно сел и быстро привел в порядок свою одежду. Это первое важное событие для Цзяна Аотяня! Он не должен быть небрежным.

Сяо Ли высадил их перед дверью и сам пошел припарковать машину. Цзян Жунъюань, естественно, держал Фан Дуцю за руку, как любящая пара, которая гармонично живет. Просто он слишком высокий, на полголовы выше Фан Дуцю. Он вовсе не маленький и приятный, а больше похож на Руха, расправляющего крылья.

Подарок, купленный для именинника, был в руке Фан Дуцю, Цзян Жунъюань сказал на ухо Фан Дуцю:

— Я почти забыл спросить тебя, какой подарок ты купил для нашего отца?

Молодой человек был очень зол, и дыхание Цзян Жуна было намного жарче воздуха. Оно распылялось на ушную раковину Фан Дуцю, вызывая у него странный зуд.

Фан Дуцю подавил странное чувство в своем сердце:

— Это набор минералов, которые папа может перемолоть, чтобы самому сделать краску.

Цзян Жунъюань вздохнул:

— У папы так много хобби и интересов. Я так спешил туда и обратно, что у меня даже не было времени посмотреть на каллиграфию моего отца.

Фан Дуцю подумал о картинах, которые его отец развесил по всему дому, и многозначительно сказал:

— Папа будет очень рад показать.

Этот отель в курортной зоне был специально построен Нин Жунъюем, чтобы сдавать его в аренду состоятельным семьям для проведения банкетов, которые не подходили для проведения дома.

Отель роскошный и великолепный, а украшенные снаружи огни освещают мир.

По пути Цзян Жунъюань вздохнул из глубины души:

— Я действительно превратился в фазана и женился на богатой семье!

Фан Дуцю: ...

Никто не описывает себя настолько «скромно».

Хуан Южун и Фан Сычэн развлекали гостей на первом этаже. Острые глаза госпожи Хуан сразу увидели, как ее сын и «невестка» вошли снаружи.

Они встретились, и Фан Дуцю вручил подарок отцу Фану и обнял его:

— С днем рождения, папа.

Цзян Жунъюань внимательно следовал за ним и тоже подошел, чтобы обнять отца Фана:

— Папа, с днем рождения, желаю тебе крепкого здоровья и всего наилучшего.

Отец Фан сиял до ушей и был в приподнятом настроении во время радостных событий. Отец Фан сегодня выглядел намного ярче, чем в прошлый раз.

Госпожа Хуан была очень счастлива, когда увидела двух людей, идущих рука об руку в очень интимной позе. Он взял Цзян Жунъюаня за руку и сказала:

— Сяо Юань, я вижу, что ты выглядишь намного сильнее. Тетя Сунь вкусно готовит?

— Это вкусно. Брат Дуцю просит тетю Сунь готовить для меня еду и отправлять ее в школу каждый день. Я даже не пропускаю обед, — Цзян Жунъюань подмигнул Фан Дуцю: — Брат Дуцю меня жалеет.

Фан Дуцю помахал официанту, взял бокал шампанского и медленно отпил, затем попросил официанта принести Цзян Жунъюаню стакан сока и пошутил:

— Я организовал трехразовое питание, он точно не голодает.

Хуан Южун стала еще счастливее, когда услышала это:

— Ты, ты умеешь заботиться о людях... — она подозвала официанта и сказала: — Сяо Юань, возьми тоже стаканчик. Ничего страшного, если ты сделаешь несколько глотков, завтра выходной, и тут наверху есть свободные комнаты.

Цзян Жунъюань поспешно замахал руками:

— Нет, нет, мама, я не буду пить.

Фан Дуцю также остановил Хуан Южун, которая была в приподнятом настроении:

— Мама, А-Юань все еще учится в школе, не уговаривай его пить...

Хуан Южун еще дважды похлопала Цзян Жунъюаня по плечу:

— Я забыла... Сяо Юань, не будь слишком занят учебой...

Она долго заставляла их болтать, а затем пришла еще одна группа друзей и ей пришлось отпустить их. Фан Дуцю увидел, что уже поздно, и забеспокоился, что Цзян Жунъюань слишком голоден, поэтому он позволил Цзян Жунъюаню пойти и добыть немного еды, а сам он хотел подняться наверх и переодеться.

Банкет был в форме шведского стола. Цзян Жунъюань держал тарелку и пробовал понемногу

каждого блюда. Если оно было восхитительным, он брал еще одну тарелку и получал еще. Если же оно не приходило по вкусу Фан Дуцю, он просто доедал свою порцию и пробовал следующее...

Внезапно в его ушах раздался голос. Цзян Жунъюань почувствовал, что он был знаком. Когда он поднял глаза, это оказался рыжеволосый четвертый двоюродный брат, которого он встречал в прошлый раз. Четвертый двоюродный брат сегодня изменил свою внешность и стал синеволосым мальчиком. Рядом с ним также появилась куча альф, которых он не узнал.

— Цзян Жунъюань, Фан Дуцю морит тебя голодом? Я никогда не видел тебя таким смущенным. Ты приходишь на банкет и плотно ешь за столом.

Цзян Жунъюань не заботился о том, что он сказал. Что ж, этот тушеный утиный язык имеет приятный вкус, острый и аппетитный. Я скормлю его брату Дуцю позже, нужно взять еще одну порцию.

— Эй, ты глухой, разве я не с тобой разговариваю?

Когда четвертый двоюродный брат увидел, что человек перед ним игнорирует его, он разозлился, и его отношение стало еще хуже:

— Ты даже не слышишь, что говорят другие. Боюсь, ты не слышишь и Фан Дуцю, когда он лежит на кровати и зовет тебя!

Альфа в черной куртке сказал:

— Боюсь, что с таким маленьким телом он не сможет ничего сделать нашему Великому Президенту Фану.

Группа людей за его спиной разразилась освистыванием.

Цзян Жунъюань плотно поджал губы и с презрением взглянул на людей:

— Разумеется, если вы называете Дуцю братом, вы должны с уважением называть меня братом Жунъюанем. Если вы действительно сможете называть меня невесткой, то я тоже готов признать вас родственниками, эй, так как мне к вам обращаться?

Цзян Жунъюань потряс тарелку в руке, и овощной сок равномерно полился на их туфли:

— Ой, мне очень жаль.

Он поставил тарелку на стол, обнял их обоих за плечи и с непреодолимой силой потащил на второй этаж:

— Извини, золовка, я их сейчас вытру...

Цзян Жунъюань затащил их двоих в комнату и запер дверь, оставив группу людей смотреть друг на друга.

— С мастером Фаном и мастером Чэнем все будет в порядке?

— Что может случиться, если их двое против одного?

— Нет, сегодня банкет Фан Сычэна! Если Цзян Жунъюань будет избит этими двумя, нам всем придется страдать.

— Молодой господин Фан знает, как себя вести...

Мужчина и сам не был уверен в том, что говорит, поэтому остальные на несколько минут были ошеломлены и поспешили наверх.

В комнате.

Четвертый ребенок и Черная куртка изначально просто планировали напугать Цзян Жунъюаня. Если они действительно избьют своего старшего на банкете у дяди, дяде придется порвать о них ремень.

Цзян Жунъюань запер дверь и нанес упреждающий удар. Он ударил кулаком по человеку в черной куртке и повалил его на землю. Четвертый ребенок был ошеломлен, но теперь он не мог просто развернуться и уйти. Ему пришлось броситься к Цзян Жунъюаню с поднятым кулаком. Цзян Жунъюань одной рукой словил его кулак, и потянул на себя, а потом оттолкнул — и два человека аккуратно в ряд легли на пол.

Следующие удары руками и ногами пришлись поровну на них обоих.

После некоторого использования кулаков и ударов ногами Цзян Жунъюань почувствовал себя немного вспотевшим. Он встал, закатал рукава, ударил четвертого ребенка по спине и пнул черную куртку, лежащего на земле.

— Как меня звать?

Четвертый ребенок все еще был резок:

— Цзян Жуньюань! Просто подожди меня, мой отец обязательно уничтожит тебя!

Черная куртка изменил свои слова, принимая во внимание текущую ситуацию:

— Брат Цзян! Брат Цзян!

Стойкость четвертого ребенка принесла ему еще одно хорошее избиение, Цзян Жуньюань схватил мясистую часть его тела и округлил ее, ударив его несколько раз.

Цзян Жуньюань был крайне сдержан в своих действиях, следя за тем, чтобы на его лице никогда не было никаких травм.

Таща четвертого ребенка за воротник его одежды, Цзян Жуньюань снова спросил:

— Ты пришел в себя?

Четвертому ребенку было так больно, что он чуть не расплакался. Он столько лет жил в Хуэйчэне, и никто не осмеливался прикоснуться к нему из-за семьи Фан. Он почти забыл, каково это — быть избитым.

— Невестка, невестка! Я ошибся... — Увидев перед собой кулак Цзян Жуньюаня снова, четвертый ребенок быстро закричал.

— Где ты ошибся?

Цзян Жуньюань нанес Черной куртке еще два удара:

— А ты? Что пошло не так?

Черная куртка выпалил:

— Я не должен проявлять неуважение к брату Фану. Я действительно был неправ. Я всегда буду уважать брата Фана до конца своей жизни...

Четвертый ребенок, который был немного медлительным, получил еще две пощечины напрасно.

Цзян Жуньюань был так зол, что остановился.

— Иногда я действительно не понимаю, как такие тормоза, как вы, прожили так много?

Очевидно, что вся семья вынуждена полагаться на моего брата Дуцю, чтобы жить, но ты первым бросился, чтобы найти со мной неприятности...

Цзян Жуньюань смело сел на стул и наступил им на лодыжки, чтобы они не уползли.

— Тск, что у вас в головах, не может же это быть сплошная вода, верно?

Четвертый ребенок плакал и выл:

— Я действительно ошибаюсь, брат Цзян, ты большой человек, просто дай мне передышку.

Цзян Жуньюань был непреклонен:

— Не думаю, что ты понял, где был неправ, тебе просто больно после избиения.

Фан Дуцю спустился на второй этаж и увидел, как несколько человек крадутся к двери, время от времени поворачивая дверную ручку, но не смея войти.

Фан Дуцю нахмурился: все это были известные парни во втором поколении в Хуэйчэне, и они были близкими братьями четвертому и шестому сыновьям.

— Что вы делаете?

Несколько человек были напуганы до смерти.

— Господин Фан? Нет-нет, мы ничего не делали...

Цзян Жуньюань также услышал голос Фан Дуцю. К сожалению, времени было слишком мало, а идеологические и моральные уроки для них двоих оказались недостаточными.

Цзян Жуньюань привел в порядок свою одежду, прежде чем усадить обоих. Только что он слишком сильно размахнулся, и рубашка немного перекосилась.

— Когда вы встретитесь с братом Фаном, вы оба знаете, что сказать, верно?

Черная куртка поспешно кивнул:

— Знаю, знаю, мы оба поскользнулись и не удержали тарелку, испачкали обувь и подошли переодеться, брат Цзян был достаточно любезен, чтобы показать нам дорогу.

Четвертый ребенок добавил:

— Это все произошло по вине нас двоих и не имеет никакого отношения к брату Цзяну.

Затем Цзян Жуньюань открыл дверь и ярко улыбнулся:

— Брат Дуцю, почему ты здесь?

<http://bllate.org/book/14858/1321781>